

Фридрих Фурман

Вклад римлян в культурную филантропию античности¹

Что римляне унаследовали от греков и что они внесли своего в эту сферу? Обучение в Риме очень долго было делом совершенно частным, и государство, кроме очень редких случаев, в него не вмешивалось. Греческий историк Полибий, проживая в республиканском Риме в середине 2 в. до н.э., с удивлением обнаружил, что даже среднее образование детей находилось здесь в руках родителей. У греков, как мы видели, гимназии и эфебии были публичными учреждениями, хотя могли поддерживаться не только деньгами магистратов, но и частными пожертвованиями. Однако современные историки полагают, что также было и в сфере начального образования римлян, даже в самом начале империи. То, что большинство детей все же посещало начальную школу, может быть объяснено, как и в греческих полисах, низкой оплатой учителей.

Вскоре императоры начинают покровительствовать образованию, учреждая государственные школы и обеспечивая учителей рядом привилегий – освобождение от воинской повинности, от участия в посольствах от городов (ехать надо было за свой счет), от обременительных муниципальных и жреческих должностей и от постоя солдат и чиновников. Примеру императоров следовали и местные власти. Из писем Плиния Младшего (61-113 гг. н.э.) можно узнать, что в 1 веке во многих местах «учителей нанимают от города» и что с этим обычно связаны «учительские происки», потому как многие хотели бы занять пост городского учителя. Кроме названных выше привилегий, учитель получал от города верный доход, который не зависел от числа учеников. Он также мог избежать того унижения, которому подвергался, по свидетельству св. Августина в его «Исповеди», учитель римской частной школы – ученики разбегались, как только приближался день уплаты.

Упоминая «учительские происки», Плиний имеет в виду то, как претенденты, нередко недостойные, могли добиваться желанной должности – протекцией влиятельного лица, умелой лестью членам городского совета, а иногда, быть может, прямой взяткой. Поэтому и предлагает Плиний согражданам Комо, своего родного города, открыть «родительскую школу», в которой учителя будут выбирать они, а не город, что и обеспечит достойный выбор. Эта идея должна была заинтересовать родителей, несмотря на то, что Плиний говорил о родительских взносах на ее содержание школы. Во-первых, потому, что эти взносы были бы меньше, чем расходы на обучение в неблизком Милане, куда

---

¹ Настоящая статья является 8-й и завершающей публикацией о греко-римской традиции филантропии на сайте автора (см. полный текст на сайте в формате PDF).

они посылали на учебу своих детей. Во-вторых, они смогут выбирать учителя и наблюдать за ним и детьми, а Плиний (с помощью другой знаменитости, своего друга историка Тацита) готов предложить им достойные кандидатуры для конкурса. Наконец, в-третьих, и это для нас особенно интересно, знаменитый земляк готов пожертвовать на школу третью часть той суммы, что соберут родители – схема «встречного жертвования», часто используемая в современной филантропии. Плиний пишет, что мог бы дать и всю нужную сумму, если бы не знал, что «люди, может быть, небрежные к чужому, будут бережнее обходиться со своим и приложат старание к тому, чтобы только достойный получал мои деньги: он ведь будет получать и от них самих»².

Нигде, однако, у Плиния, известного своей щедростью, не просматривается намерение специально помочь тем родителям, у которых не было средств на регулярные взносы, чтобы отправить своих детей в городскую «родительскую школу». Зато Плиний с воодушевлением пишет об возможной славе родного города: «Привлеките таких знаменитых учителей, чтобы из соседних городов сюда приезжали учиться...» – именно на это он был готов потратить еще больше.

С укреплением империи для обучения молодых римлян, преимущественно из знати, в Италии и латиноговорящих провинциях стали создавать молодежные коллегии (*collegia iuvenum*) – некое подобие греческих эфебий. Сходство это усиливалось созданием при коллегиях клубов типа *neoi* – те и другие становились, как и в греческих полисах, объектом частной филантропии. Судя, однако, по самым ранним из сохранившихся надписей о них, это были скорее модные клубы для аристократов, где «золотая молодежь» могла научиться как правильно жить и получать удовольствие от своего излюбленного вида спорта. У римлян, испытывавших неприязнь к атлетическим занятиям в греческих гимназиях, это означало посещение скорее цирка или амфитеатра, чем стадиона. Иногда в этих клубах могли участвовать вольноотпущенники и даже рабы, но они должны были быть весьма состоятельными³.

Император Веспасиан был первым, кто косвенно поддержал за счет казны среднее образование. Своим эдиктом от 74 г. он освободил от налогов ученых докторов и учителей, что поощрило создание в империи средних школ и, как утверждает Ульпиан (ок. 170 – ок. 228 н. э.), римский юрист и государственный деятель, во 2 в. такую школу можно было найти в каждой деревне империи. Но прямая государственная поддержка образованию была впервые оказана лишь на его самом высоком уровне и только в столице

---

² Плиний младший, *Письма*, Москва, Наука, 1982, с. 69-70, 321.

³ A. R. Hands, *Charities and Social Aid in Greece and Rome*, Cornell University Press, 1968 (далее – Hands, 1968), с. 128-129.

империи. Когда при Веспасиане в Риме была впервые учреждена публичная школа риторики – искусства красноречия, он велел ввести в ней кафедры латинской и греческой риторики, главы которой получали от государства ежегодную плату, причем кафедра латинской риторики была поручена Квинтилиану (35–95 гг.), знаменитому наставнику римского юношества, среди многочисленных учеников которого были Плиний Младший и Тацит. Квинтилиан впоследствии стал воспитателем племянников императора Домициана, будущих наследников престола. Спустя столетие подобный шаг предпринял император-философ Марк Аврелий, посчитавший справедливым учредить за счет казны четыре кафедры философии на ее родине – в Афинах. Эти шаги, отмечает Хэндс, способствовали доступу к вершинам образования того времени юношам из семей со скромными средствами, но вряд ли тем, кто с детства смог из-за бедности родителей получить лишь крохи начального обучения⁴. То же можно сказать и о муниципальных библиотеках, основанных в различных городах империи, благодаря щедрости многих филантропов, среди которых особенно известен тот же Плиний Младший, завещавший родному городу Комо на благотворительные цели весьма крупную сумму (ок. 2 млн сестерций), в том числе, на создание местной библиотеки, и отдельно 100 тыс. сестерций на ее содержание⁵.

Заслуживают отдельного рассмотрения частные и публичные библиотеки, основанные благодаря покровительству и щедрости римских властителей, полководцев и аристократов, сыгравших важную роль в развитии римского образования⁶. Как известно, интеллектуальное наследие греческого мира было постепенно сконцентрировано в эллинистических библиотеках, самыми крупными и знаменитыми из которых были библиотеки в Александрии и Пергаме. Если первая была величайшей сокровищницей знаний всего античного мира, включая Рим, то вторая стала образцом для римских публичных библиотек.

Первые римские библиотеки были, однако, частными и состояли из книг, становившихся, наряду с драгоценностями, скульптурами и образованными

---

⁴ Hands 1968, p. 129

⁵ Hands 1968. с. 129,190-191.

⁶ При написании этой части текста в той или иной мере использованы различные источники, среди них:

- Lionel Casson, *Libraries in the Ancient World*, Yale University Press, 2002;

- Люсьен Поластрон, *Книги в огне*, М., Текст, 2007.

- *Ancient Libraries: 900s BCE to 300s CE*

<http://www.eduscapes.com/history/ancient/index.htm>

- Jerry Fielden, *Private Libraries in Ancient Rome*

<http://www.jerryfielden.net/essays/privatelibs.htm>

рабами, военной добычей римских военачальников в их войнах на Востоке – в континентальной Греции и в Македонии, на островах Эгейского моря и в Малой Азии. Уже говорилось о том, как в 86 г. до н.э. римский военачальник Сулла увез в Рим из покоренных им Афин библиотеку Апелликона с трудами Аристотеля и Теофраста. Известно также, что почти веком раньше римский консул Луций Эмилий Павел, победивший в битве при Пидне (168 г. до н.э.) последнего македонского царя Персея, взял в качестве добычи его библиотеку. Он затем подарил ее своим сыновьям, одним из которых был победитель Карфагена Сципион Эмилиан Африканский. Впоследствии Сципион стал главой кружка римских и греческих литераторов, дружил с историком Полибием и философом-стоиком Панетием, пользовавшихся его библиотекой⁷.

Большое число греческих книг собрал, а позднее и захватил в Митридатových войнах в Малой Азии не менее знаменитый государственный деятель и военачальник Луций Корнелий Лукулл (ок. 117–56 до н.э.). После вынужденного ухода в отставку, Лукулл, славившийся огромным богатством, посвятил себя частной жизни, прежде всего покровительству греческим и римским литераторам, хотя истории он более известен своим чревоугодием и роскошными «лукулловыми пирами». Его библиотека была открыта для всех, кто желал помочь ему освоить ее интеллектуальное богатство, как поступали и другие знатные владельцы добытых в войнах римских библиотек. Цицерон сообщал о том, как он с жадностью изучал греческие рукописи из библиотеки Суллы. Этой же библиотекой в 1 в. пользовался греческий грамматик Тираннион, привезенный в Рим Лукуллом и учивший искусству сочинительства римского историка Страбона. В ней же работал другой его ученик – философ-перипатетик Андроник Родосский, который, опираясь на архив библиотеки, захваченной Суллой в Афинах, привел в порядок и издал часть рукописей (трактаты) Аристотеля, представив, таким образом, римскому миру основы учения великого мыслителя.

Хотя книги на латинском языке уже имели хождение во 2 в. до н.э., первые библиотеки Рима состояли из греческих книг, циркулировавших по всему римскому миру, принося славу Греции и ее мудрецам. Горацию принадлежит ставшая знаменитой фраза: «Плененная Греция завоевала своего победителя-варвара», связанная с прибытием в Рим более тысячи самых знатных, умелых и образованных греков-заложников, доставленных сюда после битвы при Пидне в 168 г. до н.э. и подчинения Риму Македонии и остальной Греции. Среди них был и греческий историк Полибий, автор знаменитой «Всеобщей истории», охватившей период с 220 до н. э. по 146 до н. э., и не менее известной

---

⁷ См. https://en.wikipedia.org/wiki/Scipio_Aemilianus

концепции круговорота политических форм. Опираясь на эту концепцию, Полибий пришел в своей «Истории» к заключению, что оптимальной формой правления следует считать сочетание монархии, аристократии и демократии, обеспечившее Риму столь долгую жизнь.

Одним из первых вдохновителей идеи публичной библиотеки в Риме считается многолетний хранитель Пергамской библиотеки Кратес Маллосский. Появившись в Риме в том же 168 г. до н.э. с посольством от Пергама, он поразил образованных и знатных римлян рассказами об этом знаменитом книгохранилище эллинского мира. Стоит сказать, что история самой Пергамской библиотеки завершилась тоже с участием римлян. В 43 г. до н.э., когда Пергам уже был провинцией Рима, римский триумvir и консул Марк Антоний, правивший в то время восточными провинциями, включая Египет, подарил большую часть Пергамской библиотеки своей пассии царице Клеопатре для пополнения Александрийской библиотеки. По утверждению многих видных историков, от Плутарха в первом веке до Гиббона в восемнадцатом веке, библиотека сильно пострадала, если не полностью сгорела, во время пожара в Александрии, вызванного нападением сторонников Птолемея XIII против Клеопатры и Цезаря в 48 г. до н.э. Как Плутарх, так и Гиббон прямо обвинили Юлия Цезаря не только в самом пожаре, но и в вызванной этим гибели Александрийской библиотеки, хотя никто из античных писателей-современников Цезаря, даже враждующий с ним Цицерон, не упоминают о столь, казалось бы, значительном событии. Более того, утверждают, что Юлий Цезарь вынашивал план вывезти это знаменитое собрание книг в Рим, чтобы, по примеру египетских Птолемеев и пергамских царей, открыть на его основе первую в Риме публичную библиотеку. Исполнение этой идеи было поручено им Марку Теренцию Варрону, ученому-энциклопедисту и писателю, слышшему в то время наиболее образованным римлянином. Варрон собирал, покупал и классифицировал книги для этой библиотеки из многих источников, однако из-за превратностей гражданской войны в Риме, вызванных убийством Цезаря в 44 г. до н.э., ему не довелось ее открыть.

Осуществил идею Цезаря о публичной библиотеке, но уже в правление Марка Антония, консул 40 года до н.э. Гай Азиний Поллион, историк и меценат, оратор и писатель, друживший с Горацием и Вергилием. Используя добытые в победоносной войне в Иллирии средства и, вероятно, в ответ на полученное от сената право на триумф, Поллион, наконец, основал первую в Риме публичную библиотеку. И первым ее главой был по праву назначен Варрон. По филантропической традиции той эпохи она была «пожертвованием народу» в обмен на личную славу. Библиотека была

устроена в атриуме у Храма Свободы на Авентинском холме и впервые украшена статуями писателей прошлого, лишь для живущего Варрона было сделано исключение. Римляне встретили новшество с восторгом, поэты слагали гимны в честь библиотеки и ее основателя Поллиона, сделавшего, по словам Плиния Старшего, «произведения человеческого ума общественным достоянием».

Здесь, наверное, уместно пояснить, что первые библиотеки не были зданиями, специально спроектированными для хранения книг, представлявших собой в то время свитки из папируса или пергамента. Хранились они в нишах или на полках в обычных домах или складах, тогда как читали их вне зданий и вовсе не за столами, а прогуливаясь или сидя в крытых галереях, и лишь позднее в залах. Здесь же проводили – так было еще в Греции, но особенно часто в Риме – публичное чтение наиболее известных книг, нередко с участием авторов. Сложившееся уже в древности представление о том, что книги могут, так сказать, передавать их владельцам знания и культуру, а тем самым усиливать их престиж, привело к тому, что помещения, где хранились книги, стали – в немалой степени для еще большего престижа – украшать картинами, скульптурами и мозаикой. Для публичных же библиотек было принято сооружать величественные здания с портиком и скульптурами у входа, чтобы они выглядели как «храмы мудрости», тем более, что их часто размещали на территориях языческих храмов и посвящали богам-покровителям.

В имперскую эпоху основание таких публичных библиотек, как за счет личного состояния, так же, как из средств казны, стало филантропическим долгом римских правителей и надежным способом обессмертить их или их родственников имена. В 33 г. до н.э. Октавиан, ставший вскоре императором Августом, построил в столице две крупные библиотеки греческих и латинских книг – одну на Марсовом Поле, другую в Портике Октавии, любимой сестры императора, здания которых стали архитектурным украшением Рима. Спустя пять лет, чтобы увековечить его победу над Антонием в битве при Акциуме, на Палатине, рядом с храмом Аполлона, была построена третья библиотека, сама напоминая по архитектуре храм – с огромным портиком, портретами знаменитых писателей и колоссальной статуей Аполлона.

Примеру императора Августа последовал вскоре его наследник Тиберий, построивший публичную библиотеку рядом со своим дворцом. Поскольку имперских библиотек уже было немало, он ввел должность их главного прокуратора (управляющего). На эту тогда весьма почетную должность нередко выдвигали хранителей Александрийской библиотеки, но самым знаменитым главным библиотекарем (уже при Траяне) был историк Светоний, автор «Жизни двенадцати цезарей». Веспасиан, не желая отставать от своих

предшественников, построил библиотеку рядом с Храмом Мира, однако наиболее значительную из всех римских библиотек основал в 113 г. Траян. Она была возведена на Форуме, носившем его имя – самом большом и роскошном из императорских форумов, который строился под руководством архитектора Аполлодора Дамасского шесть лет. Входом служила триумфальная арка, за ней располагался большой двор с портиками. Двор замыкала базилика⁸, построенная им в честь своей сестры Ульпии – при жизни он присвоил ей титул Августы, то есть «божественной», как, впрочем, ее имя – несколькими имперским городам. За базиликой следовала небольшая площадь со зданиями библиотек – латинской и греческой, которые и стали называть библиотекой Ульпии. Ее мраморные стены, похожие на соты, были пробурены тысячами глубоких квадратных ниш, в которых и хранились свитки папируса и пергамента. Перед нишами стояли колонны, а вся библиотека была украшена бюстами тех, «кто служил империи своим пером...».

Судьба книг библиотеки Ульпии иллюстрирует нарастающий со временем размах культурной филантропии римских императоров, состязающихся в крикливой щедрости, плоды которой продолжают быть доступными лишь немногим, тогда как ценность их девальвируется. Сто лет спустя книги из этой библиотеки по указу императора Каракаллы, пытавшегося превзойти деяниями и щедростью Александра Македонского, перенесли на территорию гигантских общественных бань (терм Каракаллы, где одновременно могли пользоваться бассейном, теплыми, горячими и холодными банями более 1500 человек) в специально построенные в прилегающем парке здания греческой и латинской библиотек. Это была гипертрофированная попытка соединить греческую традицию гимнасий, органично сочетающей физическую и интеллектуальную культуру, с любовью римлян к баням – попытка создать некий культурный и публичный комплекс, где купания и массажи, чтение и ученые беседы были равноценными развлечениями избалованных римлян.

Дорогостоящая библиотечная филантропия римских императоров, позволяющая создать нередко замечательные архитектурные памятники, не имела, однако, по мнению историков, серьезного значения для широкого образования. Коллекции книг в них были сравнительно невелики, а потребность в публичном чтении ограничена, так как образованные римляне, в большинстве своем состоятельные люди, предпочитали работать в частных библиотеках – у себя или у друзей.

***

---

⁸ Храм с колоннами (от лат. *basilica*, греч. *basilikē* – царский дом; *basileus* – князь, царь).

Проведенный обзор греко-римской филантропии в сфере образования и культуры⁹ показывает, что наибольшая часть частных и общественных средств на эти цели использовалась преимущественно в интересах свободных граждан, а среди них – для усиления власти и престижа наиболее богатых и знатных. По этому поводу можно – в духе черно-белой классовой или «цветной» левой критики – приступить к социальным обличениям господствующих классов и социальных групп античного общества. Но чтобы понять в контексте того времени истоки этой тенденции, присущей в той или иной мере почти всем эпохам и обществам, следует, по мнению ее авторитетного исследователя Хэндса, пойти иным путем.

Он находит эти истоки в рассуждениях Платона о том, что не нужно жалеть средств на полноценное обучение и подготовку немногих привилегированных. Именно они должны составить тот корпус администраторов, который будет управлять делами его идеального города-государства. И будут делать это в качестве его правителей и магистратов, как правило, за свой счет. Как считает Хэндс, именно это было основной целью основания Платоном его Академии и не зря организации эфебов и *неоі* строили свою структуру по аналогии с управлением полисом, включая должности судей и казначеев. В столь общественно важном деле невозможно не заметить своекорыстия «немногих привилегированных», поскольку нередко их сыновья стремились просто унаследовать высокий социальный статус отцов, не утруждая себя обучением. Те, кто жертвовал средства на эти цели, наверняка были убеждены в том, что обеспечивали город-государство *правлящим классом*, гарантирующим преемственность традиций, соблюдение законов и эффективность управления. Выгоды от этих результатов получали также граждане всех имущественных групп, включая и тех, кто из-за нужды не имел доступа к вершинам античного образования. Поэтому, продолжает Хэндс, вполне справедливы суждения Платона, а до него Перикла о том, что сама среда античного полиса предоставляла рядовым гражданам различные виды неформального образования. Из них самыми мощными орудиями «неосознанного образования» масс Платон считал поэзию и драму из-за чего требовал, чтобы в его «идеальном» авторитарном государстве для них был установлен строгий контроль. В свою очередь, Перикл, так много сделавший для превращения Афин в культурную столицу античности, говорил, по словам Фукидида, что она служит свободному образованию всей Греции и что Афины как город-государство есть центр просвещения всей Эллады¹⁰.

---

⁹ См. публикации автора на [сайте](#) в рубрике «Из истории древней филантропии».

¹⁰ См. Фукидид. *Из речи Перикла над могилами воинов* (Пер. Ф.Г.Мищенко и С.А.Жебелева) http://lib.ru/POEEAST/FUKIDID/fukidid1_1.txt

И, как не без основания предполагает Хэндс, беднейшие граждане греческих городов, быть может, получили больше пользы от расходов на проведение драматических фестивалей, бремя которых брали на себя многие богатые граждане, чем если бы эти же расходы пошли на их формальное образование – их бы все равно не хватило на всех. Точно также жители этих городов, особенно Афин, живя и расхаживая среди величайших архитектурных и скульптурных памятников, выражавших «любовь к славе» их богатых сограждан, могли почувствовать, по словам Платона в его диалоге «Государство», что им, «... подобно жителям здоровой местности все шло на пользу, с какой бы стороны ни представилось их зрению или слуху что-либо из прекрасных произведений: это словно дуновение из благотворных краев, несущее с собой здоровье...»¹¹.

Если считать это утверждение справедливым, заключает Хэндс, можно согласиться и с тем, что правители и мудрецы античности, в особенности греки, несомненно были озабочены образованием для всех в указанном смысле и что филантропия богатых и знатных этому прямо способствовала¹².

---

¹¹ Платон, *Государство*, 401 cd (См. также Платон, Соч. т.1 ч.2 – М., 1971, с.185).

¹² Hands, 1968, pp. 129-30.